

УДК 930(571)

DOI 10.24147/2312-1300.2021.8(3).23-32

А. А. Крих, С. А. Мулина

ПОЛЬСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В СЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ, КОНЕЦ XIX – XX в.*

Выявляются характерные для польских локальных сообществ способы взаимодействия с окружающей их физическим пространством. Исследование позволяет говорить о пространственной сегрегации, выстраиваемой различными этническими группами в рамках одного поселения. С другой стороны, адаптация этнических групп к общему кормящему ландшафту имела не только хозяйственные специфические черты, но и знаково-символические, выделяющие население таёжных районов, в зависимости от этнической принадлежности, в отдельную группу – «урманщина», – по сравнению с проживающими в лесостепной зоне Западной Сибири.

Ключевые слова: колонизация; адаптация; миграции; поляки; Западная Сибирь; этничность; локальные сообщества; сельское пространство.

A. A. Krikh, S. A. Mulina

POLISH LOCAL COMMUNITIES IN THE RURAL AREA OF WESTERN SIBERIA, LATE 19th – 20th CENTURY

The article is devoted to identifying the ways of interaction with the surrounding physical space that are typical for Polish local communities. The study allows us to speak about the spatial segregation built by different ethnic groups within the same settlement. On the other hand, the adaptation of various ethnic groups to the general feeding landscape had not only economic specific features, but also sign-symbolic ones that distinguish the population of taiga regions, depending on ethnicity, into a separate group – “Urmanshchina” – in comparison with those living in the forest-steppe zone of the Western Siberia.

Keywords: colonization; adaptation; migration; Poles; Western Siberia; ethnicity; local communities; rural space.

Современные исследователи подчёркивают, что расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией, это был сложный процесс превращения Сибири и Дальнего Востока в Россию. «С установлением новых государственных границ имперская политика переходила в длительную фазу интеграции новых территорий и народов в единое политическое и социокультурное пространство» [1, с. 47]. Правительство и общество с середины XIX в. начинают воспринимать движение крестьянского населения на имперские окраины как

целенаправленное политическое конструирование империи [2, с. 243]. Гораздо менее изучены неконтролируемые государством колонизационные процессы, стихийная самоорганизация и локализация различных переселенческих этнических сообществ. Обращение к истории сибирской Полонии демонстрирует оба варианта обозначенных процессов: с одной стороны, принудительный характер миграции поляков в Сибирь в XIX в. способствовал усиленному вниманию со стороны административного аппарата к самоорганизующимся и стремящимся к локализа-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 19-09-00487 «Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири».

ции (как в городах, так и в сельской местности) польским сообществам, которое выразилось в попытках пресечения этих стихийных общественных инициатив [3; 4]; с другой стороны, польские семьи со статусом добровольных переселенцев имели возможности образования моноэтнических поселений.

Изучение локальных сообществ неизменно ставит проблему их соотношения с пространством, в котором они функционируют. В данном контексте приобретает значимость не только качество, размеры, границы физического пространства, но и специфика локальных групп. В качестве двух кейсов исследования рассмотрены населённые пункты, основанные переселенцами западных губерний Российской империи в таёжной зоне Западной Сибири, а именно д. Минск-Дворянск Омской области и с. Белосток Томской области. Жители этих населённых пунктов считали себя и воспринимались окружающим сообществом поляками. Исследование данных кейсов основано на углублённых интервью с жителями уже несуществующей д. Минск-Дворянск, которые проводились в 2012 г. и 2020 г., а также на материалах и устных рассказах уроженца с. Белосток историка Василия Антоновича Ханевича.

К изучению польских сельских локальностей в Сибири историки обратились в 1990-е гг., что было связано с возрождением полонийного движения и ростом интереса к польско-сибирской истории. Но, как правило, исследователей интересовала социально-политическая история либо процессы идентичности и идентификации польского населения в сибирских деревнях [5–8]. Проблема взаимодействия с окружающим пространством не ставилась, но было отмечено стремление жителей д. Минск-Дворянск, разрешающих подселиться в деревню в основном полякам-католикам и/или уроженцам преимущественно Игуменского уезда Минской губернии, сохранить этническую однородность поселения. При отсутствии родственного этнического окружения поляки предпочитали соседство переселенцев-католиков или изоляцию в форме хуторского хозяйства [9, с. 35–36].

Целью данного исследования является выявление характерных для польских локальных сообществ способов взаимодействия с окружающим их физическим простран-

вом. Достижение этой цели предусматривает решение двух основных задач:

– определение влияния природно-географического фактора на социальные и хозяйственные практики локальных сообществ и их этнокультурную идентичность;

– выявление воздействия польских локальных сообществ на физическое пространство в виде: а) увеличения или сокращения освоенных и заселённых территорий прежде всего вследствие демографических, экономических, урбанизационных процессов, развития систем связи и коммуникации; б) изменения качества пространства как естественной экологической системы – объективно существующей части природной среды; в) структурирования пространства с точки зрения его хозяйственной, культурной и ментальной значимости для социума, его места в коллективной памяти локальных групп.

Лесная природно-географическая зона юга Западной Сибири охватывала в Тобольской губернии таёжные пространства в бассейнах правых притоков р. Иртыша: Шиша, Туя, Уя, Бичи и др., – известные под общим названием «тарских урманов». Эти территории долгое время считались непригодными для развития земледелия. Исчерпание к середине 1890-х гг. запасов свободных земель в заселённых местностях Сибири заставило обратиться к колонизации тайги. До 1896 г. заселение тарских урманов ограничивалось почти исключительно пределами Седельниковской волости, расположенной в верховьях р. Уя. В 1891 г. в Седельниково прибыло восемь семей околичной шляхты из Игуменского уезда Минской губернии [9, с. 30–31]. Последующие два года они провели в поиске удобного для заведения сельского хозяйства и поселения земельного участка. Их выбор пал на земли Екатерининской лесной казённой дачи, имеющие холмистый, изрезанный оврагами рельеф, расположенные в 32 вёрстах от уездного города Тары, 40 вёрстах от волостного села Седельникова и 10 вёрстах от другого волостного села Нагорного. Ближайшим поселением, находящимся в 3 вёрстах от выбранного минскими переселенцами участка, была переселенческая деревня Уразай-Корякова, куда минские переселенцы ходили печь хлеб, пока не построили собственные дома.

В условиях отсутствия крупных рек в урмане населённые пункты возникали при небольших, перемерзающих на зиму речушках. После периода временного проживания в землянках постоянные жилища образованного посёлка Минского выстроились вдоль р. Уразая, огороды усадеб выходили к реке, там же были отстроены почти в каждом дворе бани. Это существенно отличало польские усадьбы от русских, появившихся в этой деревне позднее, на рубеже 1920–1930-х гг. Переселенцы советского времени были вынуждены иметь бани в коллективном пользовании, которые протапливались семьями по очереди¹. За посёлком в дальнейшем закрепилось название Минск-Дворянск, а в народном обиходе деревню называли Поляки или Польский Уразай, в противоположность Вятскому Уразаяу (он же Уразай-Коряковский)².

В начале 1940-х гг. в Минск-Дворянске насчитывалось 30 дворов³. Поселение состояло из двух улиц, расположенных параллельно друг другу, и двух проулков. Самую длинную улицу, выходящую огородами к реке, прорезал овраг. С улицы к реке шёл спуск, заканчивающийся мостиком, через который проходила дорога на с. Нагорное. Река Уразай выполняла знаково-символическую функцию, отделяя Минск-Дворянск от располагавшегося напротив домов кладбища. Первые жители посёлка хоронили своих родственников на кладбище с. Екатерининского, но по мере обживания на новом месте было устроено на возвышенности в сосновом лесу собственное кладбище, «открытие» которого сопровождалось установкой большого четырёхконечного креста⁴. Отличительной чертой многих польских кладбищ являлось наличие общего молельного креста [10, с. 164–167]. Семьи поздних переселенцев, не имеющие родственников среди поляков, хоронили своих умерших на кладбищах в Нагорном и Екатерининском, хотя никакого официального запрета на использование минск-дворянского кладбища не-поляками не существовало.

Несмотря на то, что из-за рельефа местности течение таёжной речки Уразая было бурным, а вода чистой благодаря подпитывающим её ключам, сама речка была мелководной, что не позволило устроить на её берегах водяные мельницы. В связи с этим в советское время в селении была обустроена

малопродуктивная в урманных условиях ветряная мельница, на которой мололи, в основном, овёс для скота, а чтобы получить муку для выпечки хлеба и булочек, приходилось возить зерно в крупные сёла – Седельниково и Екатерининское⁵.

Основная улица, повторяющая изгибы реки, упиралась одним концом в болото. В конце 1950-х гг. в рамках общегосударственной программы гидромелиоративных работ рядом с поселением был создан пруд, в который спустили воду из р. Уразая. Пруды становились частью осваиваемого кормящего ландшафта, поскольку туда запускалась рыба. Например, в пруду у Минск-Дворянска местная молодёжь вылавливала щук по 6–8 кг, из которых делали традиционные котлеты с морковью и луком⁶. Пруд позволил держать на крестьянских подворьях водоплавающую птицу (по 20 голов уток и столько же гусей)⁷. Поэтому обязательным блюдом на праздниках (обжинки, Пасха) у жителей Минск-Дворянска являлся запечённый гусь, в отличие от других урманных польско-белорусских посёлков (Петровка-1, Петровка-2 и др.), где не были устроены запруды и уток и гусей не разводили.

У пруда отводилось специальное место для полоскания белья, в том числе зимой, когда вырубалась прорубь в форме вытянутого прямоугольника, достигавшего в длину 10 м. За прорубью следили поочередно взрослые мужчины, в чьи обязанности входила очистка проруби от наледи⁸. Именно у пруда находились общие бани, содержащиеся усилиями нескольких семей поздних переселенцев, в то время как каждая польская семья имела баню на своём подворье.

Неотъемлемой частью урманных деревень являлся лес, который начинался сразу за домами. Участок, освобождённый от хвойного леса минскими переселенцами, уже к началу XX в. был покрыт редким и малоценным для казны берёзовым лесом и почти на 20 % состоял из лугов. Сразу за околлицей деревни находились заросли черёмухи и чёрной смородины⁹, ягоды которых в большом количестве собирались детьми и подростками. По воспоминаниям информантов, дети собирали по два ведра черёмухи, которая затем перемалывалась и в высушенном виде добавлялась в выпечку. Ягоды смородины

крутили в мясорубке и готовили из них варенье. За один сезон варили около 100 л варенья¹⁰. Так же собирали ягоды малины и клубники, которые засушивались в печи и хранились в холщевых мешочках.

Помимо этого, в лесу собирали хмель, из которого поляки варили пиво¹¹. Лес служил местом выпаса свиней, которых скрывали в 1930–1940-х гг. от колхозных властей, чтобы избежать государственного налога¹².

Большим подспорьем в личных хозяйствах служила охота¹³. Практически в каждой семье в конце 1940-х гг. было ружьё, а подростки ставили ловушки и силки на зайцев и боровую птицу. Употребление в пищу зайчатины стало этнодифференцирующим признаком для польско-белорусского населения, проживающего в тарском урмани, поскольку русские старожилы – чалдоны – мясо зайца считали нечистым, приравнивая его употребление к поеданию кошек и крыс¹⁴. Ещё одной отличительной чертой являлось отсутствие в системе питания населения таёжных деревень пшеничного хлеба, в отличие от чалдонов более южных лесостепных районов Омской области.

Излюбленным местом польской молодёжи была «поляна», расположенная между двух улиц в стороне хлебных складов. В 1930-х – начале 1940-х гг. на «поляне» была обустроена спортивная площадка и натянута сетка для волейбола¹⁵. Даже после появления в деревне клуба, поляки продолжали собираться на «поляне», где молодёжь устраивала танцы¹⁶. Клуб посещали потомки поздних переселенцев, переехавших в Минск-Дворянск в 1920–1930-х гг. из урманных деревней, которых местные жители (поляки) считали хохлами. Здание клуба использовалось не только для проведения собраний и встреч молодёжи, но также и в хозяйственных целях для просушки урожая картофеля и льна¹⁷.

Несмотря на преобладание в Минск-Дворянске населения католического вероисповедания (по данным переписи 1897 г., из 66 чел. католиками были 52 [12, с. 131]), жителями не было инициировано строительство костёла или молитвенного дома. В 1911 г. Минск-Дворянск являлся самой крупной деревней с католическим населением (101 чел.) в Нагорно-Ивановской и Седельниковской волостях Тарского уезда и относился к мо-

литвенному дому, расположенному в 35 вёрстах в уездном городе Таре¹⁸. В советское время основные религиозные обряды (крещение и отпевание) исполняли пожилые женщины, которые собирались в разных домах на совместную молитву. Принадлежность к католическому вероисповеданию не стала в дальнейшем для большинства жителей этой деревни идентифицирующим признаком польскости, гораздо большее значение имела память о дворянском происхождении основателей Минск-Дворянска, сплочённости польского сообщества и его культурного превосходства над поздними переселенцами из русско-белорусских урманных посёлков.

Идея сплочённости локального коллектива подтверждалась отношением к кладбищу как сакральному месту, связующему ушедшие и ныне живущие поколения поляков и их потомков в условиях, когда само поселение перестало существовать в годы советской политики ликвидации бесперспективных деревень. Разъехавшиеся по крупным сёлам Тарского района жители Минск-Дворянска продолжали навещать могилы ушедших родственников, следить за состоянием памятников и оградок, хотя само кладбище не было огорожено и сильно поросло травой. В 2000-х гг. кладбище сильно пострадало от пожара. По свидетельствам очевидцев, в 2008 г. от общего моленного креста остался лишь остов – основание до поперечины, а к 2012 г. исчезли и эти остатки.

Второй кейс связан с историей пос. Белостока Томской области, летописцем которого можно считать заведующего Томским мемориальным музеем, председателя Томского общества «Мемориал» Василия Антоновича Ханевича. Опубликованные им сборники документов, статьи, а также сведения, почерпнутые из личных бесед с историком, родившимся и выросшим в Белостоке, стали основой для формирования данного кейса. Значительный объём фото-, видео- и аудиоматериалов, собранных В. А. Ханевичем, в том числе запись бесед с жителями посёлка, выложен на сайте Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД»¹⁹.

Опираясь на сведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., можно заключить, что первые жители – выходцы из Виленской и Гродненской губер-

ний – появились на переселенческом Ново-Рыбаловском участке Николаевской волости Томского уезда в 1898 г. На следующий год здесь насчитывалось уже 13 хозяйств [13, с. 178–183]. С момента основания участок Ново-Рыбаловский имел неофициальное название Белосток – по имени уездного города Гродненской губернии (а с 1919 г. – польского города). Это обстоятельство можно рассматривать как свидетельство наличия у переселенцев памяти о месте исхода, важной основой сплочения локального коллектива. В 1911 г. в списке населённых мест Томской губернии посёлок указан под современным названием, в этом году в нём проживало 40 домохозяев католиков [14, с. 463].

Несмотря на то, что переселенцы происходили из разных губерний Северо-Западного края, их объединяла римско-католическая религия. Не случайно уже в 1906 г. жители Белостока добились разрешения на строительство костёла. В 1908 г. храм был построен, а в 1910 г. освящён томским куратором Иосифом Демикисом [15, с. 105]. Костёл во имя Св. Антония Падуанского был построен «согласно плана Мариинского костёла – несколько в расширенном виде». Здание деревянное, на листовничном фундаменте (из колод), крытое железом, с башней и двумя закрестиями. Костёл имел 14 окон и 5 дверей с замками [14, с. 460–461]. На долгие годы костёл оставался самым примечательным зданием в округе, поскольку был построен на возвышенности, на стыке двух улиц, став доминантой окружающего пространства и закрепив изначальную планировку улиц. Приходской дом занимал 35 кв. сажень и состоял из восьми комнат – шести больших и двух маленьких.

Строительство костёла автоматически превращало Белосток в центр притяжения для окрестных территорий, где проживали католики. По свидетельству капеллана Белостокско-Маличевского католического прихода ксёндза Адольфа Филиппа к Белостокскому костёлу было приписано менее 500 чел. «Самый дальний пункт от костела Белостоцкого, в котором находится 10 семей католиков это посёлок Мало-Муромский Бобарыкинской волости Томского уезда, расстояние от него до посёлка Белостоцкого 40 вёрст. Другие посёлки находятся на значительно

ближайшем расстоянии, а именно посёлок Черловинский расс[тоянием] 18 вёрст, в котором находится 100 душ, Южаринский 15 вёрст, Апсаклинский 13 вёрст, Пудановский 6 вёрст» [14, с. 463].

Среди проживавших в округе католиков жителей Белостока идентифицировали как поляков, отделяя от других переселенцев католического исповедания. Ксёндз И. Демикис сообщал архиепископу, что между католиками с. Белостока, большая часть которых по национальности были поляками, уже построившими храм, и латгальцами из пос. Маличевского «...идёт соревнование... Маличевские не хотят поддаться Белостоцким», и поэтому католики Маличевского построили себе собственный храм [16, с. 296].

Формированию внешней польской идентификации, несомненно, способствовало причисление к посёлку 16 семей из Седлецкой губернии (в основном в 1912–1914 гг.). Однако новосёлы поселились в отдалении от прибывших ранее переселенцев из Гродненской и Виленской губерний, сформировав отдельную улицу, и первое время сохраняли социальную дистанцию. В первые годы советской власти белостокцев продолжали идентифицировать как поляков. В частности, в документах томского губисполкома 1920 г. отмечалось, что жители Белостока «по национальности поляки, а по религии католики» [13, с. 46]. Однако в официальных статистических данных первой общесоюзной переписи населения 1926 г. в качестве преобладающей в Белостоке национальности были указаны белорусы [17, с. 90], что, в целом, характерно для государственных идентификационных процессов в отношении поляков, проживающих в сибирских деревнях [12].

Белосток динамично рос благодаря естественному приросту населения, выделению новых хозяйств, а также за счёт притока новых переселенцев. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., в посёлке проживали 95 семей, общее число жителей насчитывало 487 чел. [13, с. 178–183]. С быстрым ростом посёлка, видимо, был связан перенос сельского кладбища на новое место. Сведений о старом месте захоронений не сохранилось. Новое кладбище было основано на краю посёлка. По сведениям В. А. Ханевича, это произошло примерно

в 1905–1906 гг. Примечательно, что когда построили в посёлке костёл, то одновременно вокруг храма и кладбища были высажены кедры и лиственницы, тем самым изначально была обозначена сакральность этих территорий. Лес в народной культуре наполнен самой разнообразной символикой, в том числе олицетворяет вечность, устойчивость, долговременность. Сказалась и польско-белорусская традиция организовывать кладбища в хвойном лесу. Однако опрошенные жители Белостока не помнят, чтобы на новом кладбище стоял общий молебельный крест. Кладбище не было специально огорожено, видимо, хвойные деревья создавали естественную зональность. Лишь во второй половине XX в. вокруг кладбища была возведена ограда.

На пространственное расположение посёлка оказывал влияние и рельеф местности. По сведениям В. А. Ханевича, посёлок был основан в болотине, на месте гари, изобилующей хвойным лесом. Белосток имел уличную планировку, вытянувшуюся вдоль р. Бровки: фасады домов были обращены к дороге, а обширные огороды – к реке и лесу. Сегодня сохранился лишь один старый дом, пятистенный, покрытый так называемой «польской дранкой» – пластинами из древесины (возможно, осины). Дом принадлежал семье Николая Пилатова, переселенца из Курляндской губернии. Посёлок был огорожен поскотиной, просуществовавшей, по информации В. А. Ханевича, до середины 1960-х гг.

Лес был источником древесины, ягод и дичи (охотились на зайцев, лис, лосей), река – воды и рыбы. В реке водились в основном караси и пескари. Речную воду использовали в хозяйственных целях и для питья. Кроме того, ещё во время планировки посёлка было вырыто четыре колодца для общего пользования (по сведениям В. А. Ханевича, один из них был колодец-журавль). Однако вода не во всех колодцах была хорошей и кое-где отдавала тиной.

Население Белостока занималось хлебопашеством и разведением скота. По данным на 1916 г. из 95 семей посёлка 80 владели от одной до четырёх десятин пашни. Восемь семей имели менее одной десятины. Наиболее крупные участки сосредоточились в руках семьи Михаила Мазюка (5,4 десятины),

Александра Дашука (5 десятин), Ивана Чиблиса (4,5 десятины), Геронима Мазюка (4,4 десятины) и Ивана Ханевича (4,3 десятины). Почти две трети семей имели от 4 до 10 голов крупного рогатого скота и от 2 до 4 лошадей. Наиболее крупное подворье имела семья уже упомянутого переселенца из Курляндской губернии Ивана Чиблиса (20 голов крупного скота и 9 лошадей) и семья переселенца из Гродненской губернии Ивана Артиша (13 голов крупного скота и 3 лошади). Остальные семьи имели от одной до трёх голов крупного рогатого скота [13, с. 178–183]. Кроме коров разводили свиней и овец. Героним Мазюк в 1906 г. купил шерстобойную машину, на которой работал до самой смерти в 1923 г. [13, с. 89]. Размах сельского предпринимательства жителей Белостока можно оценить на примере деятельности Викентия Сенько. Он торговал мануфактурой, железоскобяными, кожевенными, галантерейными, бакалейными и другими товарами, имел 35-ведёрный сепаратор, до 1920 г. скупал у населения Белостока молоко и ежедневно вырабатывал минимум 50 кг масла. А в 1928 г. совместно с неким Васягиным открыл сырзавод, для которого скупал сырьё у населения Белостока, Ново-Киевки, Георгиевки, Бровки и Вознесенки. На предприятии использовался наёмный труд [13, с. 93].

В первые годы советской власти миграционная ситуация складывалась двояко. С одной стороны, в Белосток приезжали жители окрестных более мелких населённых пунктов. А с другой стороны, из Белостока несколько семей выехали в Томск, а также в д. Осиновку, Никифоровку и Александровку Кожевниковского района. По воспоминаниям, собранным В. А. Ханевичем, «эти места были более благоприятными для занятий земледелием, там хорошо родила пшеница. К тому же, в тех местах также жило много поляков. С тех мест часто приезжали свататься к белостокским девушкам» [7, с. 19]. В 1926 г. в посёлке проживали 592 чел. [17, с. 90]. Демографический и хозяйственный потенциал позволяли Белостоку играть роль центра окрестных населённых пунктов, после 1917 г. посёлок приобрёл официальный административный статус: здесь создаётся Белостокский сельский совет Кривошеинского района Томского округа Сибирского края.

С 1921 г. в посёлке работала польская школа первой ступени, куда приходили дети из ближайших населённых пунктов. Школа помещалась в избе одного крестьянина, который пожертвовал её ради неприкосновенности дома, в котором жил католический ксёндз. Однако подотдел национальных меньшинств Томского губкома РКП(б) настаивал, чтобы под школу были определены две комнаты в приходском доме, «не считаясь с никаким противостоянием набожных прихожан, подстрекаемых ксёндзом» [13, с. 54]. Дело было не только в поиске достойного помещения. Подобный шаг позволял новой власти осуществить десакрализацию пространства, связанного с католической верой и ксёндзом как духовным, а часто и социальным лидером польского населения. В 1931 г. костёл был закрыт, а позднее разграблен. Во время войны здание костёла использовалось как зернохранилище, а в послевоенное время как сельский клуб.

Настоящей трагедией для жителей Белостока стали репрессии 1930-х гг. Список репрессированных белостокцев, составленный В. А. Ханевичем, насчитывает 100 чел. [7, с. 110–118]. Несмотря на закрытие польской школы, костёла и репрессии, имевшие явную этническую направленность, жители Белостока сохранили локальную сплочённость. Позиционирование этничности уходит на задний план, но сохраняется. Название созданного в 1935 г. в Белостоке колхоза «Красное знамя» в местной документации писалось кириллицей, но на польском языке: «Червонный штандарт» [13, с. 28].

В посёлке, где практически всё взрослое мужское население было репрессировано, главным механизмом, скрепляющим локальность, становится чувство землячества. Это доказывает отношение жителей посёлка к спецпереселенцам, депортированным из Молдавии, Литвы, и российским немцам, которых в годы Великой Отечественной войны в значительном количестве выслали в Кривошеинский район Томской области, среди которых были и католики. Несмотря на добрососедские отношения, жители Белостока не позволяли хоронить спецпереселенцев на своём кладбище. Поэтому рядом с деревенским кладбищем (называемым «польским») появляется «русское кладбище», где хорони-

ли неместных. Русское кладбище не имело для коренных жителей сакральной ценности. После войны оно было частично разрушено пьяным трактористом, а деревянные кресты пошли на растопку рядом стоящей сушилки. В настоящее время на месте «русского» кладбища образовалось редколесье. Десакрализация коснулась и «польского» кладбища, высокие деревянные католические кресты также были пущены на растопку.

После войны колхоз «Красное знамя» был переименован в колхоз имени Ворошилова, а в 1963 г. – в колхоз «Победа». В конце 1960-х гг. на базе колхоза был создан совхоз «Белостокский», действовавший до начала 1990-х гг. Расширение аграрного производства в 1960–1970-е гг. вынуждало вовлекать в хозяйственный оборот всё большие пространства. Строительство домов, заготовка дров приводили к вырубке лесов. В 1960-е гг., в связи с мелиоративными работами по осушению болот, вода в р. Бровке стала застаиваться, а берега заросли кустарником, поэтому местные жители, используя рельеф местности, загородили два пруда – в разных концах села, – где скапливалась талая и дождевая вода. Воду из прудов использовали для хозяйственных нужд. Старые колодцы засыпали, а в посёлке установили две водонапорные башни и колонки, от которых затем вдоль улиц к домам был проведён водопровод.

В 1960–1970-е гг. в Белостоке начинается строительство типовых двухквартирных домов, некоторые из которых возводились из кирпича. Благодаря статусу центра сельских поселений Белосток не попал в число бесперспективных деревень, более того, сюда стали съезжаться жители окружающих «умирающих» деревень: Ново-Андреевки, Ивановки, Георгиевки, Верх-Бровки. Миграции активизировали ассимиляционные процессы. Белосток уцелел, но утратил свою польскую специфику.

По данным на 2015 г. в посёлке проживали 244 чел. Налицо сокращение населения по сравнению с 1926 г. более чем в два раза. В 1992 г. Белосток административно вошёл в состав Пудовской сельской администрации Кривошеинского района, а с 2004 г. административно принадлежит Пудовскому сельскому поселению. В настоящее время на территории посёлка нет никаких предприятий,

а жители работают на СПК «Белосток», находящемся в пос. Пудовском. Основная отрасль компании – мясное и молочное скотоводство. Кроме того, предприятие занимается выращиванием зерновых, зернобобовых и кормовых культур, заготовкой растительных кормов. Это самое крупное сельскохозяйственное предприятие Кривошеинского района, обеспечивающее 45 % всей сельскохозяйственной продукции²⁰. В сельхозоборот вводятся заброшенные в годы перестройки земли. Только в 2020 г. у леса было отвоёвано около 300 га. Березняк вырубил и вывезли, а оставшимися щепками удобрили почву полей²¹.

Возрождение польскости в Белостоке приходится на 1990-е гг. В качестве катализатора выступили процессы легализации памяти о политических репрессиях и разрушение коммунистической идеологии. Возрождению польской культурной идентичности способствовала деятельность полонийных организаций, привлекающих население Белостока к изучению польского языка, культуры, связывающих сибирскую глубинку с исторической родиной²². Несмотря на пёстрый этнический состав посёлка, в 1990-е гг. жители обратились с просьбой о регистрации в деревне католической общины. Костёл был заново отстроен на новом месте, но, как и прежний, в центре села и на возвышенности. Храм начал функционировать в 1998 г., но в 2017 г. костёл сгорел. Население тяжело восприняло эту утрату: «Так совпало, что когда костёл сгорел, закрыли отделение совхоза, школы... Такое ощущение было, что бог отвернулся от села. Казалось, что посёлок просто может исчезнуть, что катимся мы к развалу»²³. Для небольшого села, в котором практически никто уже не говорит по-польски, костёл превратился в символ стабильности, благополучия, одновременно являясь важным маркером социального пространства и элементом исторической памяти. В последние два года в России и, главным образом, в Польше были собраны деньги на восстановление костёла, что ещё раз демонстрирует значение польской составляющей в исторической памяти села и роль костёла в презентации польскости белостокскими жителями. Освящение нового католического храма состоялось 12 июня 2021 г.

«Польская память» в Белостоке оказалась неразрывно связана с процессом мемориализации памяти жертв репрессий 1930-х гг. В 2003 г. был открыт мемориальный комплекс жителям польского села Белостока Кривошеинского района Томской области – жертвам советского политического террора и погибшим в годы Великой Отечественной войны. Комплекс включает в себя католический крест высотой 4 м и стелы с памятными табличками, на которых написаны имена сельчан²⁴. Комплекс установлен в центре села на месте дома, где ранее располагался Народный дом, а затем сельская библиотека. По периметру придомовой территории были посажены берёзы. Кроме того, что это место являлось в течение долгого времени центром культурной жизни села, оно несло на себе печать травмирующих воспоминаний: в 1930-е гг. именно в этом здании временно содержали репрессируемых арестантов.

Наряду с костёлом, мемориальный комплекс стал центром социальной жизни Белостока. Периодически здесь проводятся траурные церемонии и заупокойные службы. Ритуальные коллективные мероприятия имеют большое эмоциональное воздействие на общество, укрепляют региональную идентичность, дух землячества, но способствуют ли актуализации польской этничности, сказать сложно. Мемориал посвящён памяти не только поляков, но всех жителей Белостока и близлежащих населённых пунктов, погибших в 1930–1940-е гг. А датами торжественных мероприятий стали не только католические праздники (13 июня – день Св. Антония Падуанского), но и общероссийские государственные праздники и памятные дни: 30 октября, 9 мая и 22 июня.

На материале рассмотренных кейсов можно наблюдать пространственную сегрегацию, выстраиваемую различными этническими группами в рамках одного поселения. Адаптация польских этнических сообществ к общему кормящему ландшафту имела не только хозяйственные специфические черты, но и знаково-символические. Значимыми объектами структурирования деревенского пространства были водоёмы. Если в Минск-Дворянке река и запруда играли роль фактора, стягивающего пространство, то в Белостоке колодцы, а также расположенные по

разным концам села пруды, наоборот, способствовали его разрыву. Природный ландшафт использовался для структурирования социального пространства: возвышенности, овраги и реки, создающие естественное зонирование и способствующие выделению сакральных (костёл в Белостоке, кладбище в Минск-Дворянске) и социально значимых объектов (поляны для коллективных мероприятий).

На структурирование пространства оказывал влияние и ментальный, культурный фактор. В Минск-Дворянске сакральным местом поселенческого ландшафта при отсутствии костёла было кладбище, которое притягивало жителей даже после того, как деревня разъехалась, и сейчас это единственное место, напоминающее о поселении. В Белостоке же интегрирующую функцию для польского локального сообщества выполнял костёл, что обусловило его неоднократное восстановление после разрушений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые материалы автора (ПМА) 2020 г. : Омская обл., Тарский р-н, с. Екатерининское. Полевая опись № 1. Л. 26.

² Там же. Л. 29 об.

³ ПМА 2012 г. : Омская обл., г. Омск. Полевая опись № 2. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 33 об.

⁵ ПМА 2020 г. Л. 26 об.

⁶ Там же. Л. 27 об.

⁷ Там же. Л. 29 об.

⁸ Там же. Л. 27 об.

⁹ Там же; ПМА 2012 г. Л. 30.

¹⁰ ПМА 2020 г. Л. 25 об.

¹¹ ПМА 2012 г. Л. 33 об.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ Более подробно о хозяйственном обустройстве минских дворян см.: [9, с. 31–32; 11].

¹⁴ ПМА 2012 г. Л. 22 об.

¹⁵ Там же. Л. 30–30 об.

¹⁶ ПМА 2020 г. Л. 25 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 286. Оп. 3. Д. 43. Л. 252 об.

¹⁹ Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». – URL: https://nkvd.tomsk.ru/researches/history_investigation/belostoktragedy/ (дата обращения: 09.01.2021). Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» внесено Минюстом РФ в реестр «Некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента».

²⁰ Каталог сельскохозяйственных производителей Томской области. – URL: http://catalog.agro.tomsk.ru/catalog_sh/catalog/1/558/ (дата обращения: 09.01.2021).

²¹ TV Tomsk. – URL: <https://www.tvtomsk.ru/news/61406-novye-sorta-kukuruzy-vyrastjat-v-krivosheinskom-rajone.html> (дата обращения: 09.01.2021).

²² Подробнее см.: [18, с. 412–416].

²³ ТВ2. – URL: <https://tv2.today/Istorii/Bylo-oshchushchenie-chno-bog-otvernulsya-ot-selavoskresenie-sibirskogo-belostoka> (дата обращения: 15.06.2021).

²⁴ Виртуальный музей ГУЛАГа. – URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=70636651&language=1> (дата обращения: 09.01.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремнёв А. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Регион в истории империи : ист. эссе о Сибири. – М. : Новое издательство, 2013. – С. 47–71.
2. Ремнёв А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : моногр. – Омск : Издат. дом «Наука», 2013. – 245 с.
3. Мулина С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири : моногр. – СПб. : Алетей, 2012. – 200 с.
4. Крих А. А. «Польская» дилемма правительственной колонизации Сибири (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Поляки в Сибири: от повстанцев 1863 г. до современной Полонии : сб. ст. – Красноярск, 2014. – С. 85–90.
5. Крих А. А. Судьба Минских дворян в Сибири: смена этнической идентичности // Омский научный вестник. – 2006. – № 6 (41). – С. 10–13.
6. Крих Г., Токць С. Гісторыя пасялення Мінск-Дваранскае: засцянкавая шляхта з Беларусі ў сібiрскім Прыiртышы // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3. – С. 4–11.
7. Ханевич В. А. Белостокская трагедия (из истории геноцида поляков в Сибири). – Томск : Изд-во ред. газ. «Томский вестник», 1993. – 191 с.
8. Ханевич В. А. Белосток – польское село в Сибири: прошлое и настоящее // Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск – Тара, 8–12 авг. 2009 г.). – Омск : Издат. дом «Наука», 2012. – С. 77–83.
9. Крих А. А., Мулина С. А. Хозяйственная жизнь польских переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX в. : стратегии успеха // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7, № 1 (25). – С. 28–37. – DOI: 10.24174/2312-1300.2020.7(1).28-37.
10. Бережнова М. Л., Корусенко М. А., Полеводов А. В., Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мёртвых в свете этноархеологических работ : моногр. – Омск : Издат. дом «Наука», 2016. – 294 с.

11. Чернова И. В. Хозяйство польских переселенцев в сибирской деревне (на примере с. Минск-Дворянское Тарского района Омской области) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию освоения целинных и залежных земель. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2014. – Ч. 3. – С. 132–136.
12. Крих А. А. Этносоциальная идентичность и идентификация польского населения в Западной Сибири (конец XIX – XX век) // Поляки в Сибири в конце XIX – первой четверти XX века: историографические традиции, новые направления и перспективы исследований / науч. ред. Т. Амброзьяк, С. А. Мулина. – СПб. : Алетей, 2021. – С. 122–141.
13. Сибирский Белосток : сб. док. и материалов / сост. В. А. Ханевич. – Томск, 1998. – 239 с.
14. Kościół katolicki na Syberii Zachodniej w XIX i początkach XX wieku (szkice historyczne, materiały, dokumenty) / Do druku przygotował W. Chaniewicz ; pod red. W. Cabana, J. Legiecia. – Kielce : Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, 2017. – 663 s.
15. Majdowski A. Kościół katolicki w Cesarstwie Rosyjskim: Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa. – Warszawa : Neriton, 2001. – 339 s.
16. Panto D. Kościół Katolicki na Zachodniej Syberii (1835–1937). Kapelania w Omsku, filia parafii tomskiej, parafia omska, dekanat omski : Praca doktorska. – Lublin, 2017. – 392 s.
17. Список населённых мест Сибирского края. – Новосибирск, 1929. – Т. 2 : Округа Северо-Восточной Сибири. – 952 с.
18. Kość K. E. Syberyjska wieś Białystok. Historia, język i pamięć – zapiski z podróży // Polacy w nauce i kulturze Tomska oraz Syberii Zachodniej. – Wrocław : Wydawnictwo Katedry Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. – S. 401–418.

Информация о статье

Дата поступления
30 июня 2021 г.

Дата принятия в печать
19 июля 2021 г.

Сведения об авторах

Крих Анна Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: krikh_aa@mail.ru

Мулина Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: swetmulina@rambler.ru

Для цитирования

Крих А. А., Мулина С. А. Польские локальные сообщества в сельском пространстве Западной Сибири, конец XIX – XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8, № 3 (31). С. 23–32. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(3).23-32.

Article info

Received
June 30, 2021

Accepted
July 19, 2021

About the authors

Anna A. Krikh – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archaeology and Museology of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: krikh_aa@mail.ru

Svetlana A. Mulina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: swetmulina@rambler.ru

For citations

Krikh A.A., Mulina S.A. Polish Local Communities in the Rural Area of Western Siberia, Late 19th – 20th Century. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2021, vol. 8, no. 3 (31), pp. 23-32. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(3).23-32 (in Russian).